

статуса населенного пункта было официально изменено на ошибочное *Ковайно* на основании неверной записи в реестре. Развитие туризма активизирует использование гидронимии, и в результате подобные ошибки не только «перекочевывают» на карты и в атласы, но и воспроизводятся в названиях гостевых домов, кемпингов и т. д.

Для исправления ситуации на первом этапе необходимо в сотрудничестве со службой Росреестра внести правку в ошибочные написания, а в дальнейшем по возможности унифицировать каждое написание в случае «разнобоя».

Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья : дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2015.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

DOI 10.31168/7996-2700-3.81

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
myznikovs@rambler.ru

**Славянская лексика
в этимологических словарях финского языка:
опыт критического анализа**

Прибалтийско-финская этимологическая лексикография имеет значительные достижения. К настоящему времени изданы весьма основательные словари: «Suomen kielen etymologinen sanakirja» [SKES] и «Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja» [SSA].

В индексе первого из названных словарей представлены следующие славянские языки: белорусский, болгарский, полабский, польский, русский, серболужицкий, сербохорватский, словенский, старославянский, украинский и чешский. При этом славянские лексемы фигурируют не только в тех случаях, когда они являются заимствованиями, но

и в тех случаях, когда иллюстрируется влияние прибалтийско-финских языков на славянский (чаще всего русский) языковой континуум.

В кругу западнославянских языков шире всего представлены польские материалы — 42 единицы. Однако по отношению к некоторым этимологическим статьям можно говорить о пропуске как польских, так и других славянских данных. В качестве примера приведем ниже-следующую словарную статью:

Фин. *area, apia* ‘унылый, печальный, скорбный, горький’, карел. *abie, apie*, ливв. *abei, abie* ‘горе, печаль, оскорбление’, люд. *abid* ‘печаль, горе, скорбь, оскорбление’, вепс. сев. *abed* ‘досада, неприятность, помеха’, вепс. юж. *abid* ‘огорчение, печаль, досада’ (саам. кольск. *ābbēi*, саам. тер. *ābei* < карел.) < слав., ср. рус. *обида* [SKES, 1, 21].

В этой словарной статье можно привести и более обширные славянские данные, ср. болг. *обида*, блр. *abida*, др.-рус. *обида*, ст.-польск. *obida, obyda*, чеш., словац. *obida*, праслав. **obida* из **ob-videti* [ЕСУМ, 4, 131]. Соответствующая статья в [SSA, 1, 78] отмечает, что слово *area* впервые зафиксировано в 1859 г., широко представлено в современных финских диалектах и частично в литературном языке, куда проникло через посредство текста «Калевалы».

В группе восточнославянских языков наиболее обширны русские данные, которых в [SKES] насчитывается свыше 1 700 единиц. Многие из них являются диалектизмами и приводятся для того, чтобы показать результаты прибалтийско-финского воздействия.

Нередко в финском языке фиксируются результаты влияния таких русских лексем, которые ныне являются устаревшими или диалектными, ср. фин. *massi* ‘кисет, мешочек под огниво, кошелек’ при вод. *massina* ‘кошелек’ из рус. *мошина* [SKES, 2, 337].

В ряде случаев слово прибалтийско-финского происхождения получило широкое распространение в разных языках через русское посредство, однако в [SKES] это не отмечается. Так, укр., блр. *камбала*, чеш. *kambala* заимствованы из рус. *камбала* (известно с начала XVII в.), восходящего, вероятно, к фин. *kampala, kampela, kampelo* ‘камбала’ (ср. также саам. кильд. *kāmbel*, як. *kāmbala* ‘камбала’) [SKES, 1, 154].

В некоторых этимологических статьях прибалтийско-финские данные рассматриваются вне балто-славянского контекста, который вполне возможен. Например, фин. *liivikkä, liivikkö* ‘исхудавший, обессилевший

(олень)’, сопоставляемое с саам. норв. *liväk* ‘измотанный работой олень’, саам. лул. *liväk* ‘тощий человек, животное’ [SKES, 2, 294], не имеет других финно-угорских параллелей, что заставляет предполагать возможность иного этимологического прочтения финского слова. Вероятно, нельзя исключить его связь с балто-славянскими данными, ср. лит. *liebas* ‘хилый, тощий (о лошади)’, др.-чеш. *libivý*, кашуб. *leby* ‘худой’ [Фасмер, 2, 492]. При этом доминирующий балтийский вариант, представленный и с другим вокализмом (лит. *laibas* ‘тонкий, худой’, латыш. *laibas* ‘худой, тонкий, щуплый’), считается эквивалентом славянских слов с корнем *lib-*, а вариант *liebas* ‘на тонких худых ногах (о коне)’ рассматривается как диалектный [SEJP, 332]. Белорусские материалы также соотносятся с балто-славянской почвой: блр. *лыбила* ‘долговязая нескладная женщина’, праслав. **libь*, кашуб. *lëbi* ‘чрезмерно высокий’, ст.-польск. *luby* ‘щуплый’, ст.-чеш. *libí* ‘худой’, лит. *liebas* ‘болезненный, худой, с тонкими ногами’ [ЭСБМ, 6, 72]. В северо-западных русских говорах отмечаются сходные лексемы: *ли́бывый*, *либиво́й* ‘тощий, слабый’ (Петрозав., Лод., Олон., Прион.): «Ли́бива скотина была у нас» (Медв.), *лебиво́й* ‘то же’ (Тихв., Новг.) [СРНГ, 17, 40].

В некоторых случаях при явной связи прибалтийско-финских и русских данных они, на наш взгляд неоправданно, рассматриваются в изоляции друг от друга. В качестве примера приведем следующее прибалтийско-финское гнездо: фин. *rusto*, *rustä* ‘хрящ’, карел. сев. *rušto* ‘хрящ’, вепс. *roskain’e*, *rustkän’e* ‘небольшой хрящ’ [SKES, 4, 883], вепс. *rosk* ‘хрящ’ [СВЯ, 480]. Авторы [SKES] сопоставляют слово с карел. *rüšt’ü*, люд. *rüüst*, вод. *rüssü* ‘сустав пальца’, указывая на сходное прибалтийско-финское гнездо *ruosku* ‘хрящ’, которое мотивируется звукоподражательным глаголом *ruoskuä* ‘хрустеть, трещать’ [SKES, 4, 849–850]. Русские материалы в качестве возможного источника не рассматриваются, однако ср. рус. диал. *хрусто́к* ‘сваренный костный хрящ’ (Выт.) [ПЛГО], арх. *хруст*, *хрусто́к* ‘хрящ животного’ [Даль, 4, 566]; ср. также ливв. *rudžu* ‘хруст, скрип’, *rudžišta* ‘хрустеть, скрипеть, пищать’ [СКЯМ, 315–316].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М. ; СПб., 1880–1882.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1982–2012.

ПЛГО — полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам).

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯМ — *Макаров Г. Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–. Т. 1–.

SEJP — *Stawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. 1–5. Kraków, 1953–1979.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

DOI 10.31168/7996-2700-3.82

В. В. Напольских

Удмуртский государственный университет

Ижевск, Россия

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

vovia@udm.ru

Названия соли в уральских языках

Материал и анализ

1.1. Названия соли в финно-волжских языках:

приб.-фин.-морд. **sōla* > эрз., мокш. *sal* ~ фин., карел. *suola* (> саам. кильд. *sūll* и др.), лив. *sūol* и др.;

марГ. *sanzal*, марЛ. *šōñžal* < **sol-ćan* (где **ćan* < алан.: осет. ирон. *sæxx*, дигор. *sænxæ* ‘соль’ < нахск. **cwVn-χV* > чеч. *tūxa*).

Приведенные формы фонетически однозначно возводимы к прототипу **sola*, который может быть только ранним балтским заимствованием из гипотетически реконструируемого балт. **sōla* (в реконструкции